

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 3, Pp. 591–606, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 9М3+9М32

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-591-606

Города Хорасана в последней четверти XIX – начале XX в. в письменных свидетельствах российских путешественников и дипломатов

Тарон Владикович Акопян¹, Игорь Владимирович Крючков²,
 Наталья Дмитриевна Крючкова³, Ашот Агасиевич Мелконян^{4, 5}

¹ Институт истории Национальной академии наук Армении (д. 24, пр. маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник

 0009-0009-9124-4273. E-mail: [hakobyan76taron\[at\]gmail.com](mailto:hakobyan76taron[at]gmail.com)

² Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

 0000-0002-1224-1341. E-mail: [igory5\[at\]yandex.ru](mailto:igory5[at]yandex.ru)

³ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0003-3068-8865. E-mail: [intist08nk\[at\]yandex.ru](mailto:intist08nk[at]yandex.ru)

⁴ Институт истории Национальной академии наук Армении (д. 24, пр. маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

доктор исторических наук, академик, директор

⁵ Ереванский государственный университет (д.1, ул. Алека Манукяна, 0025 Ереван, Республика Армения)

профессор кафедры истории Армении

 0000-0002-2579-0286. E-mail: [ashamelk\[at\]yahoo.com](mailto:ashamelk[at]yahoo.com)

© КалмНИЦ РАН, 2024

© Акопян Т. В., Крючков И. В., Крючкова Н. Д., Мелконян А. А., 2024

Аннотация. *Введение.* Тема восприятия российскими путешественниками и дипломатами городов Хорасана не изучена в российской и зарубежной историографии. *Цель* статьи — дать анализ письменных свидетельств российских путешественников и дипломатов, датируемых последней четвертью XIX – началом XX вв., об этих городах. *Результаты.* Выявлены причины интереса россиян к Хорасану, в том числе в связи с присоединением к России Закаспийской области. Авторы показывают формирование образа городов Хорасана в текстах поданных России, их отношение к пространственной планировке городов, развитию пригородов, повседневной жизни горожан, их моральному облику. Особое внимание отводится анализу российскими путешественниками и дипломатами причин и основных проявлений кризиса городов Хорасана, в котором они оказались к концу XIX в. Одновременно в статье показаны возможные перспективы развития городов региона, в первую очередь это связано с расширением связей Хорасана с Россией. В заключении делается вывод о доминировании ориенталистской традиции в трудах россиян, что ведет к критическому отношению и непониманию многих устоев жизни городов Хорасана. Они постоянно проводят аналогии между городами Европы и Персии, чтобы показать отсталость восточных городов. По мнению россиян, политическая неста-

бильность, традиционализм, экономические проблемы самым негативным образом сказывались на городской культуре Восточной Персии. Города региона не соответствовали образу «сказочных городов» Востока, находясь в состоянии застоя и запустения, за исключением Мешхеда, несмотря на появление первых признаков цивилизации в понимании европейцев.

Ключевые слова: Персия, Хорасан, Мешхед, города, ислам, городская повседневность, ориентализм, армяне

Для цитирования: Акопян Т. В., Крючков И. В., Крючкова Н. Д., Мелконян А. А. Города Хорасана в последней четверти XIX – начале XX в. в письменных свидетельствах российских путешественников и дипломатов // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 3. С. 591–606. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-591-606

Cities of Khorasan, 1870s–1910s: Eyewitness Accounts of Russian Travelers and Diplomats

Taron V. Hakobyan¹, Igor V. Kryuchkov², Natalia D. Kriuchkova³, Ashot A. Melkonyan^{4,5}

¹ Institute of History, National Academy of Sciences of Armenia (24/4, M. Baghramian Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Senior Research Associate

 0000-0002-1224-1341. E-mail: hakobyan76taron[at]gmail.com

² North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department

 0000-0002-1224-1341. E-mail: igory5[at]yandex.ru

³ North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0003-3068-8865. E-mail: intist08nk[at]yandex.ru

⁴ Institute of History, National Academy of Sciences of Armenia (24/4, M. Baghramian Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Dr. Sc. (History), Professor, Academician, Director

⁵ Yerevan State University (1, Alex Manoogian Ave., 0025 Yerevan, Republic of Armenia)
Professor

 0000-0002-2579-0286. E-mail: ashamelk[at]yahoo.com

© KalmSC RAS, 2024

© Akopyan T. V., Kryuchkov I. V., Kriuchkova N. D., Melkonyan A. A., 2024

Abstract. Introduction. Perceptions of Khorasan cities by Russian travelers and diplomats have so far remained historiographically uninvestigated. **Goals.** The article attempts an analysis of corresponding eyewitness accounts compiled by the latter between the 1870s and the 1910s. **Results.** The paper reveals some reasons behind the interest towards Khorasan, including Russia's annexation of Transcaspia. The work outlines how images of Khorasan cities would take shape in narratives of Russian subjects, their attitudes to spatial layouts of the cities, development of suburbs, everyday life of citizens, and the latter's moral portraits. Special attention is paid to the Russian travelers and diplomats' analyses of what caused the crisis — and how it was manifested — faced by Khorasan cities in the late nineteenth century. In addition, the article shows the articulated prospects for further development of the cities, mainly through expanded relations between Khorasan and Russia. **Conclusions.** The article resumes somewhat Orientalist tradition dominated the examined works of Russians, which lead to critical attitudes and misunderstandings of many life foundations across the cities of Khorasan. The authors would constantly draw analogies between cities of Europe and Persia to show backwardness of the eastern settlements. They insisted political instability, traditionalism, and economic problems had most negative impacts on urban culture of Eastern Persia. Despite the emerging signs of civilization — in European eyes — the cities of the region never met their expectations of how 'folktale-type' cities of the East were to look like (including the observed stagnation and desolation). And the only exception therein was Mashhad.

Keywords: Persia, Khorasan, Mashhad, cities, Islam, urban everyday life, Orientalism, Armenians

For citation: Hakobyan T. V., Kryuchkov I. V., Kriuchkova N. D., Melkonyan A. A. Cities of Khorasan, 1870s–1910s: Eyewitness Accounts of Russian Travelers and Diplomats. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 591–606. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-591-606

1. Введение

Долгое время Хорасан относился к отдаленным регионам Персии, не входившим в сферу влияния России. Ситуация стала меняться в 70–80-е гг. XIX в. после присоединения к империи Средней Азии и выхода российской армии к северо-восточной границе Персии. Восточная Персия становится буфером между Россией и Британской Индией. Хорасан постепенно оказывается в орбите геополитических и внешнеэкономических интересов России. С проведением Закаспийской железной дороги российские товары проникают на рынок Хорасана, тесня позиции британских и индийских производителей [Исследование 1892: 136]. Поэтому с конца XIX в. Хорасан попал в число наиболее посещаемых российскими путешественниками провинций Восточной Персии. В большинстве случаев экспедиции в провинцию возглавляли профессиональные военные и разведчики. Российские офицеры изучали провинцию, ее ресурсы на случай вступления на ее территорию российской армии [Гоков 2022: 38].

В российской и зарубежной историографии при всем обилии работ, посвященных истории Персии (Ирана), темы соотношения региональной специфики и общеперсидских трендов в развитии городов Хорасана, особенностей местной урбанистической культуры, повседневной жизни горожан не нашли достойного отражения, тем более — их восприятие российскими путешественниками и дипломатами. История персидских городов рассматривается в статье Н. К. Белова, где автор показал основные противоречия развития городов в Персии [Белов 1995]. Р. А. Сеидов [Сеидов 1974] и С. Л. Агеев [Агеев 1974], изучая процесс развития буржуазии в Иране, поднимают проблему роли городов в данном процессе. Н. М. Мамедова признает некоторые успехи развития капитализма в Персии в конце XIX в., что позитивно сказалось на формировании персидской буржуазии — как городской, так и сельской [Мамедова 1988]. Автор поднимает тему роли синфов (некий аналог европейских цехов. — Т. А.,

И. К., Н. К., А. М.) в развитии городов страны [Мамедова 2014]. Историографию квартальных общин — луты в исламском городе, в том числе в Персии, рассматривает в своем исследовании А. К. Алексеев [Алексеев 2017]. Роль духовенства в жизни городов Персии нашла отражение в монографии Е. А. Дорошенко [Дорошенко 1998]. В зарубежной историографии большое внимание уделяется социальному движению в городах Персии и роли в этом процессе различных слоев городского сообщества и духовенства [Martin 2005]. Развитие городов в Персии и специфику данного процесса в эпоху правления династии Каджаров показывает Дж. Гамбли [Hambly 2008]. Важное место для данного исследования имеет работа М. Нори и Р. Саберифара, посвященная истории городов Северного Хорасана [Nori, Saberifar 2020]. На примере Герата К. Нёлле-Карими рассматривает роли Герата в исторической памяти персов, влияние политических и экологических факторов на развитие города, оказавшегося в конечном итоге в составе Афганистана [Noelle-Karimi 2014]. Для современных российских исследователей большой интерес представляют работы армянских историков, в том числе В. Байбуртяна, посвященная жизни армянской диаспоры в Иране, и О. Минасяна, отражающая историю армян Хорасана [Байбуртян 2013; Минасян 2010]. Данную проблему поднимает в своей статье на примере Мешхеда иранские авторы А. Мохтари и С. Мохтари [Мохтари 1976].

2. Материалы и методы

В процессе работы над темой в качестве исторического источника выступили литература путешествий и аналитические материалы, подготовленные поданными России в конце XIX – начале XX в. Первый блок включают тексты, авторами которых являлись российские военные: капитан, с 1892 г. полковник Л. К. Артамонов [Исследование 1892], участник Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг., с 1890 г. по 1897 г. служивший в Закаспийской области,

с 1882 г. действительный член Императорского Российского географического общества, в 1891–1892 гг. руководитель экспедиции, направленной в Хорасан; полковник, профессиональный разведчик, выпускник Николаевской академии Генерального штаба, с 1886 . по 1889 г. служивший в штабе Закаспийской области И. И. Стрельбицкий [Заметки 1895], посетивший в 1889 г. и 1891 г. Хорасан; выпускник Николаевской академии Генерального штаба, капитан В. А. Орановский [Сборник 1896б] и поручик К. О. Г. Баумгартен [Сборник 1896а], оказавшиеся в 1894 г. с экспедициями в Хорасане. Второй блок включает путевые очерки российского зоолога и путешественника А. М. Никольского [Донесение 1915], побывавшего в Хорасане в 1885 г., а также писателя, известного российского путешественника П. И. Огородникова [Огородников 1878], посетившего Хорасан в 1874 г. Большим знатоком Восточной Персии в России являлся ученый-зоолог и путешественник Н. А. Зарудный [Зарудный 1901; Зарудный 1916], три раза приезжавший в Хорасан (1896 г., 1898 г., 1900–1901 гг.) и оставивший интересные путевые очерки. Важное место для исследования занимают труды дипломата, востоковеда П. М. Власова [Власов 1894а; Власов 1894б; Извлечения 1893], с 1882 г. находившегося на дипломатической службе в Персии, а с 1888 г. по 1897 г. занимавшего должность генерального консула России в Мешхеде, и Н. П. Никольского [Никольский 1886] — российско-го дипломата, с 1897 г. занимавшего различные дипломатические должности в Персии, а с 1914 г., ставшего генеральным консулом России в Мешхеде.

В ходе работы над темой использовались принципы исторической имагологии, ориентированной на изучение представлений о других народах, культурах, государствах и обществах. В основе формирования образа другого зачастую находятся мифы, имаготипы и стереотипы. На формирование взглядов на «иную» культуру влияют эмоционально-чувственные образы, имажитивно-фантазийные образы и когнитивные образы [Лапина 2019: 28].

3. Города Хорасана: статусные / региональные маркеры и демография

Образ Хорасана, составленный российскими путешественниками, включал высокогорный, степной и полупустынный ландшафт, прорезанный бесконечными реками, каналами и арыками, без которых было трудно прожить в регионе [Зарудный 1901: 57]. Местные плодородные почвы при правильном орошении приносили хороший урожай даже в условиях отсутствия практики их удобрения. Общий кризис Персии негативно сказывался и на поддержании в порядке оросительных систем, хотя персы и другие жители региона уделяли им большое внимание. Кроме этого, изменения климата в Хорасане самым неблагоприятным образом сказывались на его экономике и жизни населения.

Особый интерес у россиян вызывали города Хорасана. Они являлись сосредоточением экономической жизни провинции, административными и религиозными центрами, оказывавшими большое влияние на жизнь округа. К тому же многие города имели крепости, где размещались гарнизоны персидской армии. В случае вступления российской армии многие города рассматривались в качестве военной базы для закрепления ее позиций в Хорасане. В Мешхеде располагалось генеральное консульство России, регулярно поставлявшее информацию в Санкт-Петербург, но оно не могло полностью удовлетворить интерес к Хорасану и его столице со стороны имперских властей, что стимулировало отправку специальных экспедиций в Хорасан и другие провинции Восточной Персии.

Города Хорасана не производили такого впечатления, как Тегеран или Исфахан. Они не соответствовали мифам о богатых и блистательных городах Востока, имея однообразный внешний вид за редким исключением. Они во многом напоминали россиянам города Средней Азии, что в очередной раз подчеркивало тесные культурные и экономические связи Хорасана с государствами региона. По мнению путешественников, небольшие города Хорасана ничем не отличались от окружающих сельских поселений, кроме формального статуса и наличия цита-

дели [Заметки 1895: 61]. В связи со смешением мировых торговых путей и падением бывшего значения Великого Шелкового пути города Хорасана оказались на периферии мировой торговли.

Следует отметить, что в 70-е гг. XIX в. города региона столкнулись еще с одной проблемой. Находясь в Персии, П. И. Огородников собирал информацию о голоде, поразившем провинцию и прежде всего Мешхед в 1871 г. и 1872 г. Неурожай привел к резкому росту цен на зерновые культуры, привозимые из других регионов Персии и России. Первоначально жители Хорасана приобретали продовольствие по завышенным ценам, но вскоре у них такая возможность исчезла. Люди, не имея денег, стали умирать от голода. В Мешхеде трупы умерших по два-три дня лежали на улицах и во дворах, так как их некому было хоронить. Спасаясь от бедствия, хорасанцы уходили в Хиву и в Бухару, продавая себя в рабство. В результате невольничьи рынки Средней Азии оказались переполнены рабами [Огородников 1878: 207]. По данным П. И. Огородникова, в Хорасане умерло 120 тыс. чел. [Огородников 1878: 207]. Об этом голоде упоминает и К. Баумгартен. По его свидетельству в 1871 г. голод сильно затронул Себзевар, население которого сократилось с 30 тыс. чел. до 10 тыс. чел. [Сборник 1896а: 49]. Численность населения остальных городов Хорасана также резко сокращается. Данные события самым негативным образом сказались на экономике городов и повседневной жизни горожан.

К 90-м гг. XIX в. уровень жизни в городах Хорасана постепенно восстановился после кризиса 1871 г. [Сборник 1896а: 51]. Однако благополучие продолжалось недолго. М. Л. Томара констатировал наличие сильного голода в Восточной Персии в 1894 г., когда цена на пшеницу, являвшуюся основным источником питания населения, поднялась в несколько раз. В результате в Мешхеде, Ширазе, Исфахане произошли голодные бунты [Томара 1895: 7]. Сотрудник МИД России В. Н. Ламздорф также упоминает об этом событии. По его свидетельству, весной 1894 г. в Мешхеде вспыхнули массовые беспорядки, вызванные неурожаем и

ростом цен на продукты, только снижение цен по приказу правительства Персии избавили Хорасан от более масштабных волнений [Ламздорф 1991: 56].

Среди российских путешественников и дипломатов не было полного единства мнений в определении численности населения городов региона в конце XIX – начале XX в. На рубеже 80–90-х гг. XIX в. по оценкам штабс-капитана Л. К. Артамонова в Мешхеде проживало около 70 тыс. чел., а в Себзеваре — втором по значимости городе Хорасана — 40 тыс. чел. [Исследование 1892: 135]. В. А. Орановский полагал, что в конце XIX в. в столице Хорасана проживало около 80 тыс. чел. [Сборник 1896б: 54]. Генеральный консул в Мешхеде Н. П. Никольский накануне Первой мировой войны оценивал численность населения Мешхеда в 100 тыс. чел., Себзевара — в 40 тыс. чел., Кучана — в 12–15 тыс. чел., Нишапура — 10 тыс. чел., Мамедабада — 6 тыс. чел. [Донесение 1915: 39, 41, 43, 45]. С. С. Остапенко, известный российский (украинский) экономист, приводил несколько другие данные. По его мнению, в Мешхеде проживало к 1914 г. 45 тыс., а в Себзеваре — 18 тыс. чел. [Остапенко 1913: 49]. Население остальных городов, как правило, составляло от 1 тыс. до 10 тыс. чел. По данным В. А. Орановского в начале 90-х гг. XIX в. городское население Хорасана достигало 34,5 % (107 тыс. чел.), что являлось довольно высоким показателем для Центральной Азии [Сборник 1896б: 62]. Трудности подсчета численности населения не только городов Хорасана, но и Персии в целом заключались в отсутствии достоверных переписей населения страны и постоянном притоке населения в города из сельской местности. Следовательно, численность населения городов менялась в зависимости от положения дел в сельском хозяйстве.

Российские путешественники отмечали, что население городов Хорасана отличалось многонациональным и поликонфессиональным составом. При некотором доминировании этнических персов и шиитов другие этнические и религиозные группы также составляли значительную часть горожан, в том числе курды, тюркские народы, бе-

луджи, афганцы, таджики, хазарийцы, лурийцы, арабы и др. Большинство жителей Мешхеда и Себзеvara являлось этнически персами. Они как раз доминировали в городах, в отличие от сельской местности, где этнический состав населения был еще более пестрым. Так, в Кучанском ханстве практически все персы проживали только в городе Кучан. В ряде городов трудно было выделить доминирующую группу населения. Так, в г. Дерегез — столице Дерегезского ханства, по сведениям П. М. Власова, проживали курды-шииты, турки — сунниты и шииты, туркмены — шииты и сунниты, персы-шииты, таджики, татары, переселенцы из Азербайджана и немногочисленная еврейская община [Власов 1894б: 126–127]. В провинции встречались города, где представители суннизма составляли большинство населения. Такая ситуация сложилась в г. Шарину [Зарудный 1916: 28] и т. д. Каждая этническая и религиозная группа занимала отдельный квартал, хотя встречались и исключения.

В городах Хорасана проживала армянская община, прежде всего в Мешхеде. Это были поданные как России, так и Персии. Они занимались, главным образом, торговлей, в том числе и контрабандой [Извлечение 1893: 6–7]. Армяне в Хорасане появились во времена правления Надир-Шаха, в том числе из Северо-Западной Персии, Карабаха и Шуши. В Мешхеде они проживали в квартале Арг (совр. улица Имама Хомейни. — Т. А., И. К., Н. К., А. М.) около армянской церкви [Мохтари 1976].

В конце XIX – начале XX в. численность армян в Хорасане увеличивается, формируется многочисленная армянская колония, которую лорд Дж. Керзон считал проводником интересов России в регионе [Керзон 1893: 171]. Наряду с армянами и евреями костяк деловой элиты городов Хорасана составляли парсы, исповедовавшие зороастризм, сторонники бабидского движения. Купцы считались городской элитой, пользовавшейся большим авторитетом в городе, в отличие от ростовщиков.

Города Хорасана не имели выборных органов власти и полностью находились под контролем генерал-губернатора (вали)

провинции, местных ханов и чиновников. Непосредственно в городах власть концентрировалась в руках начальника полиции, глав кварталов и базаров, сборщиков налогов [Сборник 1896б: 75]. Тема коррупции, бюрократизма и непрофессионализма городских властей присутствует практически во всех очерках российских путешественников, посетивших Хорасан. Большую роль в жизни городов занимало духовенство, особенно в Мешхеде в силу его авторитета и набожности.

Крупные города Персии имели особые маркеры своего статуса, к которым относилось присутствие резиденции вали, ханов, крупных чиновников, воинского гарнизона, крупного базара и др. П. И. Огородников в качестве особой значимости Мешхеда выделял наличие в городе монетного двора [Огородников 1878: 34]. Правда, путешественник его относил к категории «второго разряда». Показателем статусности Мешхеда являлось наличие в городе собственного профессионального палача, арсенала и армейских складов.

4. Мешхед: образ провинциальной столицы

Мешхед вызывал особое внимание у российских путешественников. Мешхед становится крупнейшим городом на востоке Персии, резиденцией генерал-губернатора Хорасана. Все российские путешественники отмечали доминирование Мешхеда в политическом и религиозном отношении в Восточной Персии. Кроме этого, россияне признавали господство Мешхеда в экономической жизни Восточной Персии наряду с портом Бендер-Аббас [Военно-статистический сборник 1868: 16].

Столицу Хорасана окружали глинобитная крепостная стена, ров и оборонительный вал. Въехать в город можно было через пять ворот [Исследование 1892: 125]. Они запирались в 20.00 после выстрела специальной пушки, после чего все местные жители расходились по домам. Специальные воинские патрули следили за соблюдением «комендантского часа». После 20.00 на улицах города имели право находиться сотрудники дипломатических представительств и

местные жители, получившие специальные пропуска. Во время праздников ворота украшались флагами и другой атрибутикой. В районе ворот располагались каменные мосты, содержавшиеся в хорошем состоянии [Заметки 1895: 194]. В период, когда туркмены нападали на Хорасан, укрепления города поддерживались в хорошем состоянии. После стабилизации ситуации на границе Хорасана с Россией они под воздействием дождей и ветров приходили в упадок. Крепостные стены, способные выдержать удары кочевников, абсолютно были бесполезны во время ударов европейской армии, имевшей современную артиллерию [Заметки 1895: 194]. Ненадежность глинобитных сооружений являлась большой проблемой для городов Центральной Азии, в том числе Персии.

Мешхед являлся одним из религиозных центров шиитов Ближнего Востока. В городе находился мавзолей почитаемого в исламском мире имама Резы, одного из потомков пророка Мухаммеда [Norman 2012: 14]. Первая его гробница была построена в 993 г., позже на месте захоронения имама был создан мавзолей. Впоследствии он неоднократно перестраивался и расширялся. В результате в юго-западной части города сформировался отдельный религиозный квартал — Бест. Ежегодно Мешхед посещало от 10 тыс. до 50 тыс. паломников в год, часть из них оставалась на длительный срок в городе, как правило, на 3–4 недели [Донесение 1915: 38]. После совершения религиозных обрядов они хотели «вкусить прелести» городской жизни в Мешхеде. Статус религиозного центра во многом способствовал развитию самого города и формированию его городской культуры.

Все российские путешественники выделяли Бест среди главных достопримечательностей Мешхеда, превратившегося в архитектурный комплекс, сформировавшийся в XIV–XIX вв. вокруг мавзолея и включавший мечеть, библиотеку, больницу, школы, бани, общественные столовые и другие здания. Бест окружала глинобитная стена, а вокруг мавзолея располагалась еще одна каменная стена. Чтобы не платить светские налоги, на территории Беста местные коммерсанты

основали биржу, ювелирные и другие дорогие магазины, банки. На его территории находилось несколько базаров, также пользовавшихся налоговыми льготами и пополнявших доходы Беста. Бест не подчинялся городским властям и находился под особым управлением духовенства [Заметки 1895: 198]. Следует отметить, что мавзолей имама Резы становится одним из крупнейших земельных владельцев Хорасана. Только от вакуфных земель он получал в год около 225 тыс. руб., не считая пожертвований паломников и других доходов [Власов 1894а: 189]. Немусульманам вход в Бест до 1935 г. был запрещен, поэтому иностранцы не предпринимали таких попыток.

Именно в Бесте постоянно собирались люди, чтобы узнать последние новости и слухи. Нередко возбужденная толпа начинала свои выступления и бунты с этого района Мешхеда. П. М. Власов и И. И. Стрельбицкий относили духовенство Беста, различных богословов, учащихся медресе, дервишей к самой беспокойной части населения Мешхеда, одновременно называя их туineaдцами, жившими за счет горожан и паломников; моральный облик данной части населения вызывал у российских путешественников большие сомнения [Власов 1894а: 197].

О. А. Орановский, признавая влияние духовенства на горожан, отмечал необходимость выстраивания диалогом генерального консула России в Мешхеде с главным хранителем гробницы имама Резы, фактически лидером шиитов Северо-Восточной Персии. Данный диалог снижал бы накал антироссийских настроений у местного духовенства, оказывавшего большое влияние на местных жителей. В случае возникновения сопротивления духовных лидеров Мешхеда политике России, угроза конфискации вакуфных земель могла стать для них хорошим сдерживающим фактором [Сборник 1896б: 60]. И. И. Стрельбицкий признавал, в случае захвата российской армией столицы Хорасана, необходимость ликвидации всех экономических привилегий Беста [Заметки 1895: 200]. Он не соглашался с мнением о религиозном фанатизме жителей Мешхеда, отмечая их лояльное отношение к европейцам [Заметки 1895: 202]. Поэтому горожа-

не могли выйти на восстание, движимые не религиозной идеей, а скорее практически (экономическими) интересами. Например, выступление в Каине против индусов ростовщиков или восстание в Мешхеде в 1891 г. против табачной монополии англичан.

По мнению П. М. Власова, жизнь в городах Хорасана отличалась монотонностью и размеренностью, людей больше волновало решение своих повседневных проблем. Мешхед представлял совсем другую картину. Огромное количество паломников из различных регионов Ближнего Востока наложило отпечаток на характер города и горожан. Мешхед представлял собой шумный город, где проживали алчные горожане, стремившиеся максимально заработать на паломниках. Они, по свидетельству путешественников, отличались особым ханжеством и лицемерием. «Едва ли во всей Персии найдется другой город, где безнравственность, лень и курение опиума доходили до таких размеров, как в Мешхеде, и все это маскируется наружною набожностью», — писал по этому поводу П. М. Власов [Власов 1894а: 190]. Следует отметить, что данная точка зрения укоренилась в российской литературе путешествий.

Еще одним центром Мешхеда являлась цитадель, где располагались дворец вали и другие административные сооружения. Она находилась на юго-западной окраине города, примыкая к крепостной стене [Заметки 1895: 193]. Таким образом, цитадель в городах Хорасана, если она имела, необязательно располагалась в центре города. Для ее размещения выбирался район города, удобный для строительства фортификационных сооружений и их обороны, желательно на возвышенности. Качество крепостных стен цитадели вызывало острую критику со стороны россиян.

Украшением Мешхеда становится центральная улица Хиабан, где находились священный квартал, названный так из-за расположения рядом мавзолея имама Резы и других культовых сооружений, и большинство значимых в городе зданий. Наличие Хиабана отражало традицию городской планировки городов Центральной Азии.

Она проходила с северо-запада на юго-восток Мешхеда, протянувшись на 2,6 км и имея ширину от 4 м до 6,4 м [Заметки 1895: 194]. Это была самая широкая и красивая улица всего Хорасана. Бест ее делил на две неравные части. Вдоль улицы были высажены тополя и чинары, создававшие так необходимую тень во время знойного лета. Рядом с улицей протекал канал и располагались канализационные стоки. На ней размещалось значительное количество торговых лавок, караван-сараяв, различных объектов общественного питания, бань, кофеен и курительных заведений. На Хиабане продавали только продовольствие и товары широкого потребления (уголь, дрова, сено, обувь, шубы, бакалейные товары). В представлениях европейцев улица Хиабан имела большой недостаток. Она не была вымощена камнем или булыжником, поэтому тротуары и проезжая часть состояли из утрамбованной глины и навоза. Следы цивилизации в конце XIX в. проявлялись и на центральной улице Мешхеда. На ней появились осветительные фонари, в городе постепенно стало распространяться электричество [Донесение 1915: 38]. Улица всегда была заполнена паломниками и горожанами, в том числе гуляющими в поисках развлечений. На ней всегда устраивали представления фокусники, факиры, заклинатели змей, их представления пользовались большой популярностью среди жителей города и его гостей. Улица притягивала нищих, дервишей и попрошайек, вызывая раздражение у европейцев [Заметки 1895: 196].

Бест и Хиабан становятся банковским центром Мешхеда и Хорасана. В меняльных конторах мешхедских банкиров-саррафов местные жители и иностранцы могли поменять деньги. Никто из российских путешественников в процедуре обмена валют не выделял значительных проблем [Зарудный 1916: 18]. Ситуация в данном отношении упростилась с появлением в городе отделения Шахиншахского банка, находившегося под контролем британских акционеров [Ананьич 1975: 25–26] и российского Учетно-ссудного банка (с 1902 г. Учетно-ссудный банк Персии [Павлова 2017: 49]). Агентства Учетно-ссудного банка расположились в

Себзеваре и Кучане, а корреспондентства в Мамедабаде и Нишапуре.

Кредиты местные жители могли взять у индийцев-ростовщиков, поданных Британской империи, под высокие проценты. По мнению И. И. Стрельбицкого, действия ростовщиков становились настоящим бедствием для городов Хорасана. Они смогли закабалить значительную часть населения провинции. Горожане брали у них в долг для приобретения опиума, выплаты налогов, покупки товаров и на другие цели. Действия ростовщиков покрывала персидская администрация, получавшая от индийцев большие взятки [Никольский 1886: 20].

За пределами Беста и центральных улиц столицы Хорасана находились кварталы, где проживали зажиточные и рядовые жители Мешхеда. Глинобитные дома и хозяйственные постройки тесно ютились на узких и извилистых городских улицах. В качестве строительного материала использовался сырцовый кирпич, так как из-за дороговизны топлива обжиг кирпичей не производился [Никольский 1886: 13]. Доски использовались очень редко, так как в Персии плотницкие инструменты стоили дорого, и не каждый житель страны мог их себе позволить. К этому следует добавить большой дефицит строительного леса и его дороговизну в Восточной Персии.

Дома зажиточных горожан опускались ниже уровня улицы и ограждались глинобитной стеной. Окна выходили только во внутренний двор. Внутри двора многие состоятельные горожане, несмотря на большой расход воды, стремились иметь небольшой сад [Заметки 1895: 60]. Рядовые горожане проживали в 2–4 небольших комнатах, расположенных на одном-двух этажах. Иногда в домах имелись высокие специальные башни, выступавшие в качестве своеобразных кондиционеров, они улавливали воздух и направляли его в помещения. Для спасения от жары местные жители строили специальные подвалы с окнами. В домах, имевших два этажа, первый этаж использовался как убежище для скота или склад для утвари и товаров [Никольский 1886: 19–20]. В районах города, где располагались лавки и ремесленные мастерские, строились навесы

из камыша и других подручных материалов, укрывавших людей от летнего зноя. Улицы Мешхеда и других городов Хорасана имели специфический, пряный запах, характерный, по мнению И. И. Стрельбицкого, для всех городов Востока от Кавказа до Цейлона [Заметки 1895: 195].

Значительную часть Мешхеда занимали известные всем шиитам Ближнего Востока кладбища, где хоронили известных и состоятельных людей, не только из Персии. Европейские дипломаты выражали протесты городским властям по этому поводу, боясь распространения эпидемий. Формальный запрет на захоронение в черте города легко обходился, так как для местного духовенства это был существенный источник доходов [Заметки 1895: 196].

Вокруг Мешхеда, как и любого другого города Хорасана, располагались пригороды, находившиеся за пределами крепостной стены. Умирение туркменских племен самым положительным образом сказалось на развитии пригородов в городах Северного Хорасана. Пригороды Мешхеда делились на несколько зон. Первая — это дома и дворцы знати, утопавшие в садах. Вторая зона — районы проживания обычных горожан. Третья — зона «промышленного» района, где располагались кирпичные заводы и другие предприятия [Заметки 1895: 194].

Большое внимание в городах Хорасана уделялось водоснабжению. Наличие водных ресурсов в необходимом количестве являлось одним из главных условий развития города. Мешхед по специальным каналам получал воды из окрестных гор, довольно хорошего качества. Правда, во время весеннего паводка они приобретали мутный оттенок на короткий промежуток времени. Питьевая вода шла по специальным водопроводам (каналам). Через город протекали каналы, предназначенные для технических нужд. В них стекала канализация, люди стирали одежду, купали лошадей и т. д. [Заметки 1895: 195].

По приезду в Мешхед российские путешественники сталкивались с проблемами в поисках ночлега. В столице Хорасана вплоть до начала Первой мировой войны отсутствовали гостиницы европейского типа.

Местные жители и гости из других регионов / государств Центральной Азии размещались в караван-сараях, значительная часть из них не подходила даже под минимальные стандарты, предъявляемые европейцами к гостиницам [Донесение 1915: 39]. Величественные караван-сарай, построенные в Хорасане при Шах-Аббасе, сильно обветшали и приходили в упадок. Караван-сарай, переданные в аренду местным жителям, содержались в ненадлежащем состоянии. С трудом путешественникам приходилось находить пригодный для них караван-сарай или в лучшем случае останавливаться в генеральном консульстве [Зарудный 1916: 19].

В других городах Хорасана ситуация оказалась еще хуже. К. Баумгартен, прибыв в Султанабад, первоначально хотел остановиться в местном караван-сараяе. Но потом он отказался от этой идеи, поскольку караван-сарай мало был приспособлен для нормального проживания, он буквально был заполнен различными паразитами и насекомыми [Сборник 1896а: 42]. Прибыв в один из небольших городов Хорасана, К. Баумгартен обнаружил два караван-сарая. Один из них новый, построенный зажиточным купцом. Однако местные жители его быстро привели в неудовлетворительное состояние. Они растащили окна и двери караван-сарая для отопления жилищ в зимнее время [Сборник 1896а: 96]. Второй, построенный Шах-Аббасом, своими величественными руинами напоминал о былом величии Персии в годы его правления.

5. Городское пространство за пределами столицы

Остальные города Хорасана, на взгляд россиян, практически полностью напоминали друг друга. Часть из них не имела даже базаров, располагая небольшим количеством лавок торговцев, где торговали евреи, принявшие ислам и представители других этнических групп [Извлечения 1893: 20]. Выбор товаров в лавках не представлял значительного ассортимента, среди них доминировали импортные товары.

Практически все города Хорасана окружались глинобитными крепостными стенами. Правда, большинство данных укре-

плений находилось в сильном запустении. В г. Мамедабад резиденцию дерегезского хана окружало сразу две крепостные стены [Власов 1894б: 129]. На ночь городские ворота плотно закрывались. Города, обнесенные крепостной стеной, имели форму прямоугольника [Исследование 1892: 125]. Как правило, в город можно было въехать через четверо ворот, выходивших на четыре стороны света. Ворота, к которым подходили главные транспортные артерии Хорасана, выглядели более величественно. Несколько отличались от городов Северного Хорасана города Каинского ханства и Южного Хорасана с точки зрения развития фортификации. В частности главный город региона г. Бирджент не имел крепостной стены и рва, город не обладал никакими укреплениями [Исследование 1892: 128]. В Хорасане встречались и уникальные случаи. Город Шариноу в пределах городской стены пришел в упадок, и за городскими стенами жители основали новый город [Зарудный 1916: 28].

Каналы и улицы делили города на кварталы. Основные улицы, за некоторым исключением, шли строго с севера на юг и с запада на восток [Власов 1894б: 126–127]. Они делили город на четыре части. В Себзеваре базар разрезал город на две части, протянувшись от Нишапурских ворот до ворот Ирака, а с севера на юг проходила главная улица Хиабан, пересекавшая базар. Город оказался поделенным данными артериями на четыре части [Сборник 1896а: 53]. От центральных улиц отходили второстепенные улицы. Города Хорасана пронизывали узкие улицы, планировка многих городов отличалась хаотичностью, являясь наследием средневековья. В качестве исключения можно выделить г. Боджнурд, столицу одноименного ханства. Город, построенный на развалинах древнего г. Чармагана, имел четкую планировку.

В большинстве случаев элитные районы города находились в северной части города, где ввиду розы ветров воздух был чище. Так, в северной части Себзеvara располагались цитадель, резиденция губернатора, административные здания и тюрьма. Кстати, наличие тюрьмы также являлось свидетель-

ством важности города, и она находилась в административной части города. Кварталы в городах, где проживали низы общества, легко было узнать по скученности помещений и небольшому количеству деревьев. Они, как правило, примыкали к базарам и крепостным стенам. Кварталы, в которых проживали зажиточные слои населения, отличались большим простором и обилием зеленых насаждений.

Среди строений городов выделялись дома местной знати, мечети, медресе, мавзолеи, бани, караван-сарай. Например, в Мамедабаде, кроме резиденции хана, располагались 7 мечетей, 5 бань и один караван-сарай, а на местном базаре действовало 110 лавок. В Боджнурде, в котором проживало около 9 тыс. чел., имелось 3 мечети, 6 медресе, 5 бань, 1 караван-сарай, 2 хейрата (общественных конюшен) и 2 базара с 400 лавками [Власов 1894б: 164]. После Мешхеда по численности и значимости общественных построек отличался Себзевар. В нем располагались 8 мечетей и мавзолеи, украшенные голубой изразцовой плиткой или медными листами. Самой известной городской мечетью являлась мечеть Меджид-Джумэ. Кроме этого, в городе действовало 3 медресе. В самом крупном медресе Себзевара учились 60 учеников и преподавали 12 богословов. В небольших городах отсутствовали крупные архитектурные сооружения. В число таких попал и Бирджент, относившийся к числу знаковых городов региона в силу своего географического положения [Сборник 1896а: 245].

Себзевар становится вторым по значимости экономическим центром Хорасана. Развитие торговли с Россией привело к оживлению деловой активности в городе. Большое значение для Себзевара имел крытый базар, включавший два ряда лавок и ремесленных мастерских, в основном производивших медную посуду. Базар являлся сосредоточением не только экономической, но и общественной жизни, как и в остальных городах Хорасана. Только лавок торговцев насчитывалось около 600. В торговле города важную роль играли армянские купцы [Сборник 1896а: 54]. Несмотря на про-

блемы, с которыми сталкивались христиане в Персии, армянские купцы на рубеже XIX–XX вв. занимали все более весомые позиции в торговле Хорасана. В Себзеваре действовало 11 предприятий по прессовке хлопка и шерсти перед их вывозом в Россию. Все они принадлежали армянам. Первое из предприятий возникло в 1887 г. [Сборник 1896а: 58]. Кроме этого, банковский дом Туманянца осуществлял в городе крупные финансовые операции.

Отдельно за городом находилась обширная площадь для продажи верблюдов и скота, где шла оживленная торговля — весь год, кроме марта-мая, когда животных угоняли на горные пастбища. Торговля за пределами города производилась не только в Себзеваре. В Бирдженте отсутствовал крытый рынок, и вся торговля проходила за городом в основном в русле бывшей реки, засыпанной галькой [Сборник 1896а: 245]. Для купцов и других путешественников в Себзеваре действовало 8 караван-сараяв в черте города и еще 3 за пределами городских стен. Первыми признаками появления в Себзеваре цивилизации становится открытие в нем телеграфного и почтового отделений [Сборник 1896а: 53].

К шедеврам местной архитектуры в городах Хорасана относились резиденции правителей различного уровня. Положение дел у того или иного правителя не могло не сказаться на внешнем виде и внутреннем убранстве их резиденций. Масштабы и роскошь внутреннего убранства свидетельствовали о достатке и политическом весе его властителя. В то же время многие представители местной элиты не могли себе позволить величественные сооружения, проживая в довольно скромных резиденциях, мало чем отличавшихся от домов «среднего класса». Поэтому некоторые городские резиденции правителей городов «тонули» в узких улочках, мало чем отличаясь от соседних жилищ.

В окрестностях г. Теббес К. Баумгартен встретил летнюю резиденцию местного хана, где все говорило о том, что ее хозяин когда-то занимал видное положение в обществе, но затем резиденция постепенно приходила в запустение. Очень часто мест-

ные правители и ханы, кроме резиденций, построенных в городе, владели летними резиденциями, расположенными в живописных местах за городской чертой. Правитель округа Тушиз проживал не в одномименном городе в своей резиденции, а в его окрестностях. Один из правителей Южного Хорасана предпочитал проводить время в своей резиденции, расположенной в 5 км от Бирджента [Сборник 1896а: 245].

Зажиточные горожане также при возможности старались проживать в пригородах, в «зеленых зонах» — там, где они имелись. В регионах с благоприятным климатом города окружали сады. В частности вокруг г. Дерегез находилось около 150 садов. В г. Боджнурд к каждому двору с помощью разветвленной системы каналов подавалась вода, что позволяло горожанам развивать садоводство внутри городских кварталов и за их пределами. Такая же ситуация складывается в Себзеваре, где располагалось большое количество садов и зеленых насаждений внутри города и в пригородах, которые принадлежали горожанам и жителям окрестных селений. По сложившейся традиции по границам садов и вдоль каналов высаживались тутовые деревья [Сборник 1896а: 52]. Много деревьев находилось в районе мавзолеев и гробниц.

Большинство городов Хорасана имело печать запустения и нищеты. Российские путешественники постоянно встречали заброшенные города или отдельные городские кварталы, соседствовавшие с жилыми районами города [Извлечения 1893: 20]. Часть из них была разрушена в результате боевых действий, часть оказалась заброшена людьми во время стихийных бедствий, нередко города и другие населенные пункты «кочевали» вслед за изменениями водных ресурсов. По мнению Н. А. Никольского, не только указанные факторы приводили к упадку населенных пунктов. Экономический застой способствовал исчезновению многих небольших городов [Никольский 1886: 47].

Такой участи не избежал даже Себзевар. По данным К. Баумгартена, в городе располагалось около 6 тыс. домов, из них почти 1,5 тыс. находилось в заброшенном состоянии [Сборник 1896а: 51]. Здесь сказались

последствия голода и общего кризиса в экономике региона. Находясь в Мамедабаде, П. М. Власов отмечал, что из 1 тыс. домов города около трети пустовало [Власов 1894б: 129].

6. Отношение к иностранцам и падение нравов горожан

Россияне, находясь в Хорасане, внимательно отслеживали отношение местных жителей к иностранцам. Российские путешественники отмечали в целом сдержанное отношение к европейцам населения в городах региона. Наличие в Мешхеде большого количества экзальтированных паломников в любой момент могло привести к непредсказуемым последствиям. Поэтому всем иностранцам рекомендовалось не посещать город без охраны. Вдали от столицы провинции ситуация выглядела несколько иначе.

К. Баумгартен отмечал большой интерес к его экспедиции жителей Хорасана. Российский офицер в военной форме и в сопровождении казаков вызывал у них особое уважение. К. Баумгартену приходилось надевать специальный мундир, взятый в экспедицию для этих целей [Сборник 1896а: 59]. Остановка в любом городе вынуждала россиян постоянно принимать визитеров из числа местных властей и знати или самим посещать правителей городов. Все это сопровождалось выражением уважения к Персии и России, обменом подарками и соблюдением определенного церемониала. Разговоры во время этих встреч касались здоровья, погоды, целей российской экспедиции, они были скучны, сопровождались чаепитием, курением кальяна и т. д. К. Баумгартен наносил данные визиты по политическим соображениям. Итоги визитов обсуждались на базаре, он определял отношение местного сообщества не только к жителям Персии, но и к иностранцам. Осуществление визитов и соблюдение церемоний создавали положительное отношение к россиянам на базаре, а следовательно, и во всем городе и округе.

Социально-экономические проблемы вносили свои коррективы в повседневную жизнь горожан. Одним из следствий данной тенденции стало тотальное увлечение жите-

лей городов, вне зависимости от социального статуса и возраста, опиумом. По свидетельству К. Баумгартена, опиум курили даже дети 8 лет. Во многих городах появляется множество опиумных курилен. Так, значительная часть жителей Кочана, разрушенного землетрясением, отказалась заниматься восстановлением города и своего хозяйства. Разрушенный город погряз в употреблении опиума, причем до землетрясения в городе опиум практически не употреблялся. При общем упадке экономики Кочана, в нем процветали заведения, где горожане курили опиум, а в самом регионе быстрыми темпами расширялись посевы опиумного мака [Сборник 1896а: 23]. Смесь, которую потребляли горожане, содержала в три раза больше опиума в сравнении с морфием. Другими словами, употребление опиума имело самые пагубные последствия для их физического и морального состояния.

Еще одной бедой для жителей городов Хорасана становится пьянство, несмотря на все запреты ислама и недовольство мусульманского духовенства. Потребление спиртных напитков затронуло практически все слои городского общества [Сборник 1896а: 245]. По свидетельству В. А. Орановского, высшие слои населения покупали спиртные напитки в Закаспийской области и Британской Индии. Представители низших слоев их производили самостоятельно [Сборник 1896б: 55]. Потребление спиртного негативно сказывалось на жизни горожан.

Все города Хорасана, по мнению россиян, столкнулись с таким явлением, как проституция. Ее причины заключались в нищете и бедственном положении широких слоев населения. Так, в Мешхеде на центральной улице проститутки находились под «благовидным поводом» доставления удовольствия паломникам [Заметки 1895: 196]. Мешхедские проститутки имели «большую славу» за пределами города.

7. Заключение

В связи с выходом России к северо-восточной границе Персии, после присоединения Средней Азии, в Санкт-Петербурге растет интерес к Хорасану, являвшемуся буфером между Россией и Британской Индией и

ставшему объектом внешнеэкономической деятельности империи. Российские путешественники, профессиональные разведчики и дипломаты собирали всестороннюю информацию о жизни Хорасана. Особое внимание россиян привлекали города региона, являвшиеся центрами его политической, экономической и религиозной жизни. Российские путешественники оставили подробные описания городов Хорасана и прежде всего Мешхеда и Себзеvara, некоторых особенностей быта горожан. Они традиционно подчеркивали важную роль Мешхеда и его духовенства в религиозной жизни шиитов, так как в городе был похоронен имам Реза.

Российские путешественники и дипломаты, стоявшие на позициях ориентализма, в самых мрачных тонах описывали города Хорасана, не выдерживавшие, по их мнению, никакой критики в сравнении с европейскими городами. Последние выступают в качестве эталона в демонстрации отсталости «исламского города», поскольку в представлении авторов описаний важное воздействие на региональную и социокультурную специфику городов Хорасана оказал ислам. Личный опыт и наблюдения россиян за городской жизнью Хорасана коррелировались с представлениями и образами, полученными ими из прочтения европейской востоковедческой литературы до приезда в регион. Негативный образ персидского города воспринимался как слепок чуждой культуры. Противостояние города эпохи модерна и города Хорасана, «застрявшего» в средневековье, становится центральным сюжетом в текстах российских путешественников и дипломатов.

Следовательно, традиционализм и культурная отсталость являются основными доминантами при описании горожан и их повседневной жизни. Города Хорасана, задавленные персидской бюрократией и беспорядком, не стали двигателями идей свободы и прогресса в регионе. В случае вступления российской армии в Восточную Персию они могли стать центрами размещения армейских частей, и России следовало обладать четкими представлениями о городах региона для выстраивания взвешенной политики с целью поддержания в них стабильного положения.

Литература

- Агеев 1974 — *Агеев С. Л.* Иран в прошлом и настоящем: Пути и формы революционного процесса. М.: Наука, 1961. 271 с.
- Алексеев 2017 — *Алексеев А. К.* К историографии традиционных объединений оседлого населения Ирана и Центральной Азии (луты, аубаши, улуста) // Лавровский сборник: Мат-лы XL Средне-азиатско-Кавказских чтений 2016 г. Этнология, история, археология, культура. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 46–54.
- Ананьич 1975 — *Ананьич Б. В.* Российское самодержавие и вывоз капитала 1885–1914 гг. (по материалам Учетно-ссудного банка Персии). М.: Наука, 1975. 212 с.
- Байбуртян 2013 — *Байбуртян В.* Армянская община Ирана. Ереван: Лусакн, 2013. 212 с. (На арм. яз.).
- Белов 1995 — *Белов Н. К.* Традиционный город в Иране и его эволюция // Город как социокультурное явление исторического процесса / отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 1995. С. 178–185.
- Власов 1894а — *Власов П. М.* Краткий очерк Хорасана. 1894 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LVI. СПб.: Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1894. С. 176–190.
- Власов 1894б — *Власов П. М.* Статистические сведения о Дерезгезском, Кучанском, Буджурдском и Келатском округах Хорасана. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LVI. СПб.: Военная типография, 1894. С. 26–176.
- Военно-статистический сборник 1868 — Военно-статистический сборник. Вып. III. Персия, Белуджистан, Средне-Азиатские владения, Китай, Япония, Северо-Американские Соединенные Штаты, Мексика, Бразилия и Республики Средней и Южной Америки / сост. Н. Н. Обручев. СПб.: Военная типография, 1868. 338 с.
- Гоков 2022 — *Гоков О. А.* Источники сведений военной разведки Российской империи в Персии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Восточный архив. 2022. № 2. С. 38–47.
- Донесение 1915 — Донесение Императорского Российского консула в Мешхеде Н. П. Никольского. Административные, торгово-промышленные и экономические сведения по округу // Донесение российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным делам. Министерство торговли и промышленности. Отдел торговли. Вып. 54. Пг.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1915. С. 38–48.
- Дорошенко 1998 — *Дорошенко Е. А.* Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М.: ИВ РАН, 1998. 230 с.
- Заметки 1895 — Заметка о восточном Хоросане, составлена генерального штаба подполковником Стрельбицким (по рекогносцировке 1891 г.) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXII. СПб.: Военная типография, 1895. С. 43–256.
- Зарудный 1916 — *Зарудный Н. А.* Третья экспедиция по Восточной Персии (Хоросан, Сеистан и Персидский Белуджистан): 1900–1901 гг. Пг.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1916. 488 с.
- Зарудный 1901 — *Зарудный Н. А.* Экскурсия по Восточной Персии. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1901. 362 с.
- Извлечения 1893 — Извлечения из отчета П. М. Власова о поездке 1892 г. по сев.окр. Хорасан с приложением // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LII. СПб.: Военная типография, 1893. С. 1–45.
- Исследование 1892 — Исследование, произведенное в 1891–1892 годах Генерального штаба Капитаном Артамоновым Астрабад-Шахруд-Бастанского района и Северного Хоросана // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LL. СПб.: Военная типография, 1892. С. 124–139.
- Керзон 1893 — *Керзон Дж.* Персия и персидский вопрос // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LII. СПб.: Изд. Воен.-учен. ком. Гл. штаба, 1893. С. 47–230.
- Ламздорф 1991 — *Ламздорф В. Н.* Дневник 1894–1896. М.: Международные отношения, 1991. 456 с.
- Лапина 2019 — *Лапина Л. А.* Историческая империология: проблема методов и категорий // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 4. 28–32.
- Мамедова 1988 — *Мамедова Н. М.* Городское предпринимательство в Иране. М.: Наука, 1988. 204 с.
- Мамедова 2014 — *Мамедова Н. М.* Синфы как организационная структура городской жизни // Иран: история и современность. М.: ИВ РАН, 2014. С. 85–94.
- Минасян 2010 — *Минасян О.* Армяне Хорасана в прошлом. Тегеран: Алик, 2010. 110 с. (На арм. яз.).
- Мохтари 1976 — *Мохтари А., Мохтари С.* Армяне в Мешхеде: Взгляд на присутствие армян в Мешхеде и их экономическую и культурную роль. URL: <http://mashhadenc.ir/> (дата обращения: 19.01.2024) (На перс. языке)
- Никольский 1886 — *Никольский А. М.* О поездке в северо-восточную Персию и Закаспийскую область. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1886. 57 с.

- Огородников 1878 — *Огородников П. И.* Очерки Персии. СПб.: Редакция журнала «Всемирный путешественник», 1878. 396 с.
- Остапенко 1913 — *Остапенко С. С.* Персидский рынок и его значение для России. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1913. 175 с.
- Павлова 2017 — *Павлова И. К.* Из истории деятельности Учетно-ссудного банка Персии (по материалам русских архивов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 2. С. 47–60.
- Сеидов 1974 — *Сеидов Р. А.* Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1974. 123 с.
- Сборник 1896а — Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXIII. Поездка по Восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование). СПб.: Воен.-учен. ком. Глав. штаба, 1896. 367 с.
- Сборник 1896б — Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXVIII. Военно-статистическое северо-восточной части Хоросана. 1894 г. Генерального штаба капитана Орановского. СПб.: Военная тип., 1896. 211 с.
- Томара 1895 — *Томара М. Л.* Экономическое положение Персии: Отчет чиновника особых поручений Департамента торговли и мануфактур М. Л. Томара, командированного в 1893–94 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб.: Тип. В. Ф. Киришаума, 1895. 172 с.
- Hambly 2008 — *Hambly G. R. G.* The Traditional Iranian City in the Qajar Period // The Cambridge History of Iran. Vol. 7 / ed. P. Avery, G. Hambly, Ch. Melvill. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Pp. 542–589.
- Martin 2005 — *Martin V.* The Qajar Pact. Bargaining Protest and the State in Nineteenth Century Iran. London: L. B. Tauris, 2005. 214 p.
- Noelle-Karimi 2014 — *Noelle-Karimi C.* The Pearl in Its Midst: Herat and the Mapping of Khurasan (15th–19th Centuries). Wien: Austrian Academy of Sciences Press, 2014. 374 p.
- Nori, Saberifar 2020 — *Nori M., Saberifar R.* The Comparative Study of Urban Sprawl in Cities of North Khorasan Province (Case Study: Esfarayen and Bojnord) // Journal of Applied researches in Geographical Sciences 2020. № 8. Pp. 283–300.
- Norman 2012 — *Norman D.* Sylloge of Islamic Coins in the Ashmolean. Vol 3. Oxford: Ashmolean Museum Oxford, 2012. 208 p.

Reference

- Ageev S. L. Iran's Past and Present: Paths and Forms of Revolutionary Processes. Moscow: Nauka, 1961. 271 p. (In Russ.)
- Alekseev A. K. Historiography of traditional sedentary communities in Iran and Central Asia: The *luti*, *awbash*, and *ulufia*. In: Fifteenth Lavrov Readings (2016): Ethnology, History, Archaeology, Culture. Proceedings. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2017. Pp. 46–54. (In Russ.)
- Ananyich B. V. Russian Tsarism and Capital Exports, 1885–1914: Analyzing Operations of the Loan and Account Bank of Persia. Moscow: Nauka, 1975. 212 p. (In Russ.)
- Artamonov. Astarabad, Shahrud, Bastan, and Northern Khorasan, 1891–1892: A Survey by General Staff Captain Artamonov. In: Collected Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia. Vol. 51. St. Petersburg: Military Publications, 1892. Pp. 124–139. (In Russ.)
- Baiburtyan V. Armenian Community of Iran. Yerevan: Lusakn, 2013. 212 p. (In Arm.)
- Baumgarten. Travels across East Persia of Volinsky Lifeguard Regiment's Lieutenant Baumgarten in 1894: A Study in Geography and Trade (Collected Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia 63). St. Petersburg: General Staff (Military Science Committee), 1896. 367 p. (In Russ.)
- Belov N. K. Traditional Iranian city and its evolution. In: Saiko E. V. (ed.) City as a Sociocultural Phenomenon: A Historical Perspective. Moscow: Nauka, 1995. Pp. 178–185. (In Russ.)
- Curzon G. Persia and the Persian Question. In: Collected Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia. Vol. 52. St. Petersburg: Military Publications, 1893. Pp. 47–230. (In Russ.)
- Doroshenko E. A. Shia Clerics in Two Revolutions: 1905–1911 and 1978–1979. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1998. 230 p. (In Russ.)
- Gokov O. A. Imperial Russia's sources of military intelligence on/in Persia, mid-nineteenth to early twentieth centuries. *Oriental Archive*. 2022. No. 2 (46). Pp. 38–47. (In Russ.)
- Hambly G. R. G. The traditional Iranian city in the Qajar period. In: Avery P., Hambly G., Melvill Ch. (eds.) The Cambridge History of Iran. Vol. 7. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Pp. 542–589. (In Eng.)
- Lamzdorf V. N. Diaries of 1894–1896. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1991. 456 p. (In Russ.)
- Lapina L. A. Historical imagology: Methods and categories. *Scientific Notes of Orel State University*. 2019. No. 4 (85). Pp. 28–32. (In Russ.)
- Mamedova N. M. Sinf artisan corporations as an urban structural element. In: Iran's Past and

- Present. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2014. Pp. 85–94. (In Russ.)
- Mamedova N. M. Urban Entrepreneurship in Iran. Moscow: Nauka, 1988. 204 p. (In Russ.)
- Martin V. The Qajar Pact: Bargaining Protest and the State in Nineteenth Century Iran. London: L. B. Tauris, 2005. 214 p. (In Eng.)
- Minasyan O. Armenians of Khorasan in the Past. Teheran: Alik, 2010. 110 p. (In Arm.)
- Mokhtari A., Mokhtari S. Armenians in Mashhad: Evaluating their economic and cultural impacts. On: Mashhad Encyclopedia. Available at: <http://mashhadenc.ir/دانش-مردن-ایران> (accessed: 19 January 2024). (In Pers.)
- Nikolsky A. M. About the Journey to Northeast Persia and Transcaspia. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1886. 57 p. (In Russ.)
- Nikolsky N. P. Administrative, Trade, Industrial, and Economic Conditions of Mashhad: A Report by Imperial Russian Consular Officer to Mashhad N. Nikolsky. In: Reports by Russian Consular Officers for Trade and Industrial Affairs. Vol. 54. Petrograd: V. Kirshbaum, 1915. Pp. 38–48. (In Russ.)
- Noelle-Karimi C. The Pearl in Its Midst: Herat and the Mapping of Khorasan (15th–19th Centuries). Wien: Austrian Academy of Sciences Press, 2014. 374 p. (In Eng.)
- Nori M., Saberifar R. The comparative study of urban sprawl in cities of North Khorasan Province (Case study: Esfarayen and Bojnord). *Journal of Applied Researches in Geographical Sciences*. 2020. No. 58. Pp. 283–300. (In Eng.)
- Norman D. Sylloge of Islamic Coins in the Ashmolean. Vol. 3. Oxford: Ashmolean Museum Oxford, 2012. 208 p. (In Eng.)
- Obruchev N. N. (comp.) Military Statistical Review. Vol. 3: Persia, Balochistan, Central Asia, China, Japan, the United States of America, Mexico, Brazil, and Republics of the Americas. St. Petersburg: Military Publications, 1868. 338 p. (In Russ.)
- Ogorodnikov P. I. Essays on Persia. St. Petersburg: Vsemirnyi Puteshestvennik, 1878. 396 p. (In Russ.)
- Oranovsky. Northeastern Khorasan, 1894: A Military Statistical Description by General Staff Captain Oranovsky (Collected Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia 68). St. Petersburg: Military Publications, 1896. 211 p. (In Russ.)
- Ostapenko S. S. Persian Market and Its Significance for Russia. Kiev: I. Chokolov, 1913. 175 p. (In Russ.)
- Pavlova I. K. From the history of the Loan and Account Bank of Persia (From the Russian archives). *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2017. Vol. 22. No. 2. Pp. 47–60. (In Russ.)
- Seidov R. A. Iran's Bourgeoisie, Late Nineteenth to Early Twentieth Centuries. Moscow: Nauka, 1974. 123 p. (In Russ.)
- Strelbitsky. Notes on Eastern Khorasan by General Staff Lieutenant Colonel Strelbitsky (1891). In: Collected Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia. Vol. 62. St. Petersburg: Military Publications, 1895. Pp. 43–256. (In Russ.)
- Tomara M. L. Economic Conditions of Persia: A Travel Report (1893–1894) by Special Duty Officer M. Tomara. St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1895. 172 p. (In Russ.)
- Vlasov P. M. Khorasan: A brief review (1894). In: Collected Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia. Vol. 56. St. Petersburg: General Staff (Military Science Committee), 1894. Pp. 176–190. (In Russ.)
- Vlasov P. M. Report by P. Vlasov on the 1892 Journey to Khorasan: Some excerpts. In: Collected Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia. Vol. 52. St. Petersburg: Military Publications, 1893. Pp. 1–45. (In Russ.)
- Vlasov P. M. Statistical data on Dargaz, Quchan, Bojnord and Kalat counties of Khorasan. In: Collected Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia. Vol. 56. St. Petersburg: General Staff (Military Science Committee), 1894. Pp. 26–176. (In Russ.)
- Zarudny N. A. Excursion to Eastern Persia. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1901. 362 p. (In Russ.)
- Zarudny N. A. Third Expedition to Eastern Persia, 1900–1901: Khorasan, Sistan, and Persian Balochistan. Petrograd: M. Stasyulevich, 1916. 488 p. (In Russ.)

